

УЧАСТНИКИ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1863–1864 гг. В ВОЛОГОДСКОЙ ССЫЛКЕ

*Н.И. Голикова – доцент кафедры отечественной истории
Вологодского государственного педагогического университета,
кандидат исторических наук, доцент*

В последнее время история русско-польских отношений, польского освободительного движения XIX в. получила достаточно широкое освещение в российской и польской историографии, чему в немалой степени способствовало расширение экономических, политических,

научных и культурных контактов России и Республики Польша. Безусловно, это коснулось и проблем пребывания ссыльных поляков в Вологодской губернии, нашедших ограждение в работах ряда историков¹.

В 60-х годах XIX в. значительное количество политических ссыльных в Вологодской губернии составляли участники польского национально-освободительного движения. В воспоминаниях Н.Ф. Бунакова указывается, что «с началом этого восстания в Вологде появилось много ссыльных поляков, из которых мне более памятны... Krakow, Oskerko, братья Лимановские, Журавский... все это пестрое пришлое население «политических страдальцев» образовало один кружок, к которому приставала и местная молодежь»².

Сведения о политических ссыльных, связанных с участием в восстании 1863–1864 гг., высланных в Вологодскую губернию, сосредоточены в Государственном архиве Вологодской области (далее – ГАВО) в фондах Вологодского губернского правления (ф. 14) и канцелярии Вологодского губернатора (ф. 18). Кроме этого, данные содержатся в фондах Вологодского полицмейстера (ф. 129), Вологодского городского полицейского управления (ф. 130), Вологодского и Тотемского полицейских уездных управлений (ф. 131, ф. 135), Тотемского уездного исправника (ф. 716). Поиск материалов сопровождался рядом трудностей: неполнотой алфавитных списков, разноточением в написании фамилий, местожительства, отсутствием необходимых сопроводительных сведений.

При обработке документов выяснилось, что среди ссыльных преобладали выходцы из трех западных губерний (Гродненской, Виленской, Ковенской). В то же время около трети ссыльных были уроженцами польских губерний (Люблинской, Августовской, Варшавской, Радомской) и г. Варшавы.

По сословному составу среди ссыльных преобладали представители дворянского сословия. Из 80 ссыльных к дворянству относились 43%. На втором месте находилась крестьянская группа, составившая 22%, на третьем – «прочие» – 18%, на четвертом – мещане – 9% и на пятом – католическое духовенство – 8%³. Католическое духовенство принимало самое деятельное участие в революционных выступлениях 1860-х гг., очем свидетельствуют ряд архивных документов. Так, бывший ксендз Леон Годлевский был перемещен на жительство в Вологодскую губернию под надзор полиции из Восточной Сибири, куда был выслан за участие в мятеже. Такой же путь прошел Франц Рагозинский, сосланный в Восточную Сибирь за сбор денег для восстания и переведенный в Вологодскую губернию в 1868 г.⁴ Непосредственное участие в мятеже принимал бывший клирик Бернардинского монастыря Кирилл Скальский, уроженец Радомской губернии, за что был лишен всех прав состояния. Из Восточной Сибири в Вологодскую губернию

был переведен бывший ксендз Феликс Чарковский, также лишенный всех прав состояния за «имение в своей квартире сочинений возмутительного содержания и за неуместное выражение о правительстве»⁵. Наиболее активная деятельность ксендзов Валентина Найдовского из Люблинской и Викентия Цихачевского из Плоцкой губернии в восстании выражалась в передаче населению «приказаний революционного начальства о сборе вещей и передаче их мятежникам, в установлении связей с мятежниками и присоединении к их шайке». Они, как и вышеназванные ксендзы, в 1868 г. были переведены в г. Великий Устюг Вологодской губернии из Восточной Сибири⁶.

Польские ссыльные, направленные в Вологодскую губернию, были рассредоточены по ее обширной территории. Министерство внутренних дел стремилось отправить участников польского восстания в наиболее отдаленные уезды: Сольвычегодский, Усть-Сысольский, Никольский, Вельский, Великоустюгский. По величине расстояния от Вологды первое место принадлежало Усть-Сысольску – около 1000 километров. На втором и третьем местах по этому показателю стояли города Великий Устюг и Сольвычегодск, удаленные почти на 500 километров. Под наблюдением полиции находилась переписка политссыльных. Письма адресату поступали уже после ознакомления с их содержанием в полицейском ведомстве.

Большое значение для ссыльных имело их материальное положение. Абсолютное большинство бывших повстанцев не имело источника постоянного заработка, причем государственная служба и преподавательская деятельность им запрещались. Ссыльным из дворян, высланным без лишения и ограничения прав, не имеющим собственных средств к жизни, разрешалось выдавать по 15 коп. в сутки кормовых на человека и 1 руб. 50 коп. за найм жилья в месяц. Следует отметить, что выдача определенного от казны пособия очень сильно задерживалась. Казенное пособие выдавалось полякам периодически, причем в непосредственной зависимости от материального положения ссыльных. Если они имели занятия, которые давали нормальное материальное обеспечение, или получали денежную помощь от родственников, то выдача казенного пособия им временно прекращалась. Вместе с тем размер пособия был ничтожен, и ссыльным было необходимо работать, чтобы обеспечить себя средствами к существованию.

В то же время малочисленность местной интеллигенции, нехватка грамотных людей, сравнительно высокий образовательный уровень сосланных приводили к привлечению их к работе в качестве учителей (несмотря на запреты), писцов и т.д. По воспоминаниям участника революционного движения вологжанина Л. Пантелеева, «польская ссылка в огромном большинстве представляла высококультурный элемент»⁷.

Н.Ф. Бунаков положительно отзывался о преподавателе вологодской мужской гимназии В.М. Пржибыльском, который «с началом польского движения был переведен в вологодскую гимназию под надзор полиции, но все-таки на службу. Человек умный, образованный, светский и чрезвычайно ловкий, он умел всем нравиться – и в гимназии как ученикам, так и товарищам, и в обществе как в среднем, так и в высшем... Он читал [публичные] лекции, слушать которые собирались вся вологодская знать: тогда естественные науки входили в моду...»⁸.

Среди ссыльных Вологодской губернии распространялись и такие занятия, как мелочная торговля, работа по найму у разных лиц, работа цирюльниками, 18 человек из крестьян занимались хлебопашеством.

Относительно образа жизни поднадзорных архивные материалы содержат довольно скучные сведения. Исправники чаще всего ограничивались краткими характеристиками типа: «определенных занятий не имеет, поведения хорошего, общается только с товарищами, ни в чем предосудительном не замечен». Все без исключения поднадзорные должны были отмечаться в полиции, представлять на проверку свою корреспонденцию.

В положении ссыльных большую роль сыграли Высочайшие повеления от 16 апреля и 28 октября 1866 г., 25 мая 1868 г., 13 мая 1871 г. и 9 января 1874 г. об облегчении участия политических преступников, на основании которых многие польские ссыльные получили право переселиться в Европейскую Россию из Сибири или возвратиться на родину.

В целом педагогическая деятельность ссыльных, их занятие ремеслами, торговлей, хлебопашеством оказывали влияние на жизнь вологжан. Рассмотренный материал позволяет сделать вывод, что пребывание польских политических ссыльных в 60-х годах XIX в. в Вологодской губернии является составной частью истории поляков на Европейском Севере России. Безусловно, приведенные сведения не являются исчерпывающими, а проблема нуждается в дальнейшем исследовании с привлечением новых источников, что будет способствовать воссозданию более полной картины польской политической ссылки XIX в. в Вологодском крае.

Примечания

¹ Бонфельд М.Ш. Странники поневоле // Вологда: Красногорский альманах. Вып. 4. Вологда, 2003. С. 63–80; Голикова Н.И. Польские ссыльные в Вологодской губернии в 60-е годы XIX века // Историческое краеведение и архивы: материалы межрегиональной научной конференции. 20 марта 2003 г. Вып. 10. Вологда, 2004. С. 118–131; Даин М.Е. О польской ориентации в вологодском искусстве XIX века // Археография и источниковедение истории Европейского Севера РСФСР. Ч. 2.

Вологда, 1989. С. 85; Тираспольский Г.И. Ссыльные поляки в Усть-Сысольске 1860-х годов // Родники Пармы. Республиканский историко-краеведческий альманах. Вып. 5. Сыктывкар, 2000. С. 4–13.

² Бунаков Н.Ф. Вологда в воспоминаниях и путевых записках: Конец XVIII – начало XX века / Сост. М.Г. Ильюшина. Вологда, 1997. С. 223.

³ ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 142, 147, 153, 154, 156; Ф. 14. Оп. 1. Д. 2770.

⁴ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2770. Л. 15.

⁵ Там же. Л. 17.

⁶ Там же. Л. 18, 19.

⁷ Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М., 1958. С. 561.

⁸ Бунаков Н.Ф. Вологда в воспоминаниях и путевых записках... С. 224.